Иди и возвращайся

Автор:
Евгения Овчинникова

Иди и возвращайся

Евгения Овчинникова

«когда прочитаешь удали это сообщение». С маленькой буквы, без знаков препинания. Мама?! Но как это возможно? Мама три года назад исчезла без следа, и ни папа, ни полиция не нашли зацепок… И если это в самом деле она, то почему дает о себе знать только теперь, когда Нина уже приучилась жить с этой пустотой внутри?

В каждом петербургском прохожем четырнадцатилетняя Нина видит его персонального монстра, доисторическое чудовище: басилозавра, прогнатодона, архелона. Видит – и рисует человека именно так. Загадочное сообщение побуждает ее начать собственное расследование, чтобы наконец выяснить, что скрывают от нее отец, следователь и бывшие коллеги мамы, и разгадать тайну маминого исчезновения.

Евгения Овчинникова начинает трилогию «Иди и возвращайся» с захватывающего детектива. Но это не чистый образец жанра, где в центре событий – преступление, а скорее детектив психологический, главное в котором – развитие взаимоотношений героев по ходу сюжета.

Трехкратный финалист премии «Книгуру», в жюри которой – читатели-подростки, Евгения Овчинникова (родилась в 1983 году) дебютировала в издательстве «КомпасГид» со сборником рассказов «Мортал комбат и другие девяностые». Ее новая книга увлечет читателей среднего и старшего школьного возраста.

Евгения Овчинникова

Иди и возвращайся

Роман

© Овчинникова Е. С., текст, 2019

© ООО «Издательский дом „КомпасГид“», 2019

Из будущего

– Девушка, стойте, туда нельзя! – Наперерез мне бежал полицейский. Он протянул руку, чтобы схватить меня, но ему помешал папа.

Я перепрыгнула через толстую цепь, отделявшую тротуар от проспекта, и ворвалась в поток демонстрантов.

Перед глазами мелькали георгиевские ленточки, гвоздики, зонты, портреты. Черно-белые и отреставрированные с неестественным румянцем. Я расталкивала толпу, от неожиданности люди выпускали из рук фотографии дедушек и цветы. Они падали на асфальт и мгновенно сметались теми, кто шел следом. Анна Аркадина, 1921–2001. Николай Пряхин, 1899–1943. Виктор Суслов, 1911–1967. Последний упал мне под ноги, и я отпрыгнула назад, чтобы не наступить на его фотографию.

– Простите, извините, пожалуйста, – шептала я, зная, что меня все равно никто не слышит, что люди, через которых я пробираюсь на противоположную сторону проспекта, будут с негодованием вспоминать о подростке, испортившем им праздник.

Колонки позади похрипывали:

– …Хр-р… мы дни и ночи, было трудно очень, но баранку не бросал шофер.

Я ударялась о зонты, сумки и плечи. В середине проспекта, столкнувшись с полным мужчиной, едва не полетела вниз, под ноги толпе, но кто-то, чьего лица я не успела увидеть, поднял меня за капюшон. Едва почувствовав опору под ногами, я вырвалась и продиралась на ту сторону, туда, где увидела знакомые глаза под ярким зонтом.

– Что вы делаете? Осторожно! – возникшая на пути бабушка выставила руку, преграждая мне дорогу. Навалившись, я едва не опрокинула ее на спину, но ее успели подхватить шедшие следом люди.

– Ненормальная! – крикнула она мне вслед.

Мне не было стыдно. Меня несла волна любви, тоски и одновременно – страха, что я снова ошиблась.

Поток демонстрантов снес меня вправо. Наконец выбравшись, я рванулась влево, сталкиваясь с прохожими, но зонта нигде не замечала. Развернулась и увидела, как он уходит в противоположную сторону. Побежала обратно, стараясь не упустить его из виду, пока он не свернул на Пушкинскую. Прибавляя скорости из последних сил, распугав людей на крыльце ресторана, я неслась следом, а в голове в такт веселой военной песне стучали слова: неужели, неужели это была она?

Глава 1,

в которой рассказывается, с чего все началось

Когда мне было одиннадцать, в моей комнате поселилось чудовище. Ночами я вертелась под его недобрым взглядом и, когда силы меня покидали, засыпала. Если становилось совсем невыносимо, я кричала и бежала в спальню родителей, чтобы монстр не успел меня схватить.

Злое чудовище, незаметное глазу, стояло за спиной, когда я делала уроки. Пряталось за шторами и разглядывало меня через щелку. Сидело у кровати, пока я спала. Сквозь некрепкий утренний сон я слышала его дыхание, но когда просыпалась, то видела лишь привычные вещи: гардеробный шкаф, из двери которого торчит край футболки, письменный стол и стул, картонный дом для плюшевых мышек, карту мира на стене.

Когда я с криками ворвалась в спальню родителей во второй раз, они поняли, что дело серьезно, и начали изучать литературу по детским страхам. Мама прошерстила в библиотеках книги по воспитанию, папа разыскал в интернете диссертации по психологии, все на английском. После этого чудовище вышло за пределы комнаты и стало преследовать меня по всей квартире.

Оно невидимо щерилось острыми зубами из темных углов, протягивало лапы за моей спиной, когда я мыла посуду или вытирала пыль. За секунду до прикосновения я успевала обернуться, а чудовище – исчезнуть. Страх сковывал меня, я часами лежала в кровати без движения или сидела за столом, пока не хлопала входная дверь или кто-то из родителей с шумом не проходил мимо комнаты. Чудовище появлялось, только когда я была одна, и приходилось крутиться: звать в гости бабушку, учить уроки у Насти и Вани, пока родители не вернутся с работы.

Конечно, я не была совсем уж маленькая и понимала, что чудовищ, привидений и прочей нечисти не существует, разве только в кино или в воображении сумасшедших. Сумасшедшие, в свою очередь, обитают в дурдоме. Однажды мы с бабушкой ездили туда навещать тетю Любу. Мы шли по длинному коридору, до половины выкрашенному синей краской, с обеих сторон были палаты. Тетю Любу вывели к нам в холл, где уже сидело несколько человек. Они выглядели вполне мирно, но как-то… безумно, что ли. И мне совсем не хотелось думать, что я похожа на этих людей с блуждающим взглядом.

С утра до вечера я повторяла себе, что чудовищ не существует, это только мои фантазии, и стоит мне захотеть, как преследователь исчезнет, рассыплется в пепел, лопнет, как воздушный шарик. Так мне говорила мама. Набравшись храбрости, я нарочно оставалась дома одна. Но проходило пять, десять, пятнадцать минут, и чудовище, хищно улыбаясь, входило в комнату и вставало у меня за спиной, потирая черные чешуйчатые лапы.

– Это иррациональное проявление реального страха, – говорила мама, прочитав очередную книгу.

Однако в книгах не находилось способа избавить меня от реального страха. А я уже не могла ни спать, ни есть, потому что чудовище стало появляться дома, когда там были родители. Спрятаться от него было совершенно некуда.

Мама занималась прикладной наукой и доверяла только фактам. И все пыталась объяснять логически, даже совершенно иррациональные вещи, – я поняла это спустя несколько лет, когда ее уже не было с нами.

– Если чудовище и есть, оно не опасное. Ведь оно ничего тебе не делает! Мы даже ни разу его не видели! – убеждала меня мама.

С этим нельзя было не согласиться – я никогда не видела своего монстра. Не выхватывала его краем глаза в зеркале, не ощущала прикосновений. Монстр не переставлял вещи с места на место, не открывал шкафов. Я не слышала его шагов по ночам, в темноте никто не звал меня по имени. И как резко я ни оборачивалась, не замечала даже темного пятна – он был, несомненно, черного цвета.

Мама не понимала, мне же приходилось постоянно быть начеку. Чудовище готовилось растерзать меня, как только я успокоюсь и перестану вовремя оглядываться.

Однажды я заснула с включенным верхним светом, настольной лампой и ночником у кровати. А проснулась глубокой ночью в кромешной темноте и почувствовала, что чудовище тянет ко мне свои ужасные лапы и вот-вот схватит за горло. Я дико закричала, соскочила с кровати и побежала к двери, но по дороге запнулась о стопку книг, полетела на пол, ударилась о край стола и потеряла сознание.

Очнулась я на коленях у мамы, она плакала, а папа звонил в скорую. Мама промакивала бумажным полотенцем мою разбитую губу и говорила, что никогда-никогда больше не выключит свет в моей комнате.

Меня отвезли в ближайшую больницу, в Раухфуса, с легким сотрясением мозга и подозрением на перелом носа, но все обошлось, и уже в следующий

понедельник я радовала одноклассников синим носом и распухшей губой.

Родители всерьез взялись за мое чудовище. Для этого они пробились к супер-пупер детскому психологу, очередь к которому была на полгода вперед.

Мы с мамой пришли в частную клинику и ждали приема часа два: сидели и глядели в плазму с мультфильмами.

Психолог была похожа на бабушку, папину маму, – такая же короткая стрижка и очки с цепочкой.

– Так, Нина. Расскажи о своем чудовище, – потребовала она.

Я в ответ бормотала что-то невнятное.

– Понятно. С конкретными характеристиками затруднения, – строго сказала психолог маме.

Мама кивнула и сжала под столом мою руку.

– Может быть, нарисуешь его? – предложила психолог и протянула мне несколько чистых листов и банку с карандашами. На банке веселые пчелки держали в лапках ведерки, из которых капал желтый мед. Я смотрела на улыбающихся пчелок, на цветочки и изо всех сил старалась представить свое чудовище. Взяла черный карандаш, нарисовала верхний ряд острейших зубов, вытянутую морду, злые глаза. А дальше будто открылась черная дыра, и я в нее полетела.

Мама потом рассказала, что во время припадка, который начался сразу, как только я оторвала карандаш от бумаги, меня с трудом удержали она сама, психолог и прибежавшая на помощь девушка-администратор. Я упала на пол вместе со стулом, билась, кричала, выгибалась дугой. Затихла я только после укола успокоительного. Следующее после морды монстра, что я помню сама, – мы с мамой опять на диване перед кабинетом, я лежу головой у нее на коленях, и мы вместе ждем, когда папа нас заберет.

Тем же вечером мама, которая занималась микробиологией и верила не в чудовищ, а в доказательную медицину, сказала, что собственноручно его укокошит.

– Что сделаешь? – не понял папа.

– Буду всю ночь сидеть у кровати Нины и прибью его сразу, как только появится.

– Но он же не настоящий, – попытался напомнить ей папа.

– Еще какой настоящий. Настоящее не бывает. А значит, его можно убить.

Мы с папой удивленно на нее уставились, а мама с серьезным видом пошла на кухню, отмотала большой кусок фольги, в которой запекали мясо, сделала из нее шлем и надела на голову. Потом взяла из шкафа простыню, накинула на плечи и повязала наподобие плаща. И последним штрихом достала длинный хлебный нож с зазубринами и деревянной ручкой. Ручку тоже обмотала фольгой – получился маленький меч.

Я почистила зубы и легла в постель. Мама выключила весь свет, кроме ночника, и поцеловала меня.

Засыпать в тот вечер было не страшно – напротив кровати, скрестив ноги по-турецки, сидела мама, в свете ночника похожая на настоящего воина в железном шлеме, плаще и с мечом наготове. Я ни секунды не сомневалась, что той ночью с чудовищем будет покончено.

Утром я проснулась с забытым чувством радости и спокойствия. В окно светило солнце. Пахло оладьями с яблоками и свежезаваренным кофе. Дверь была приоткрыта, папа и мама сидели за кухонным столом с кружками в руках. И вдруг я увидела мертвое чудовище на полу.

Оно лежало распластавшись, совершенно бесформенное. Из свалявшейся черной шерсти торчал меч, из раны вытекло озерцо крови. Рядом валялись шлем и плащ храброго воина.

Я была уже большой и сразу поняла, что чудовище – это старая шуба, давно валявшаяся среди забытых вещей в кладовке, а кровавое озеро очень похоже на кетчуп. Но тем не менее тогда, именно в тот самый момент, поняла, что чудовища больше нет. Воин в шлеме из фольги и с кухонным ножом навсегда прогнал его, и мне нечего больше бояться.

Так и случилось. Мы стали жить, будто этого кошмара и вовсе не было. Но недолго, всего неделю. Через неделю после расправы над чудовищем мама исчезла.

Тот понедельник начался как обычно. Мы с мамой всегда вставали и уходили первыми. Папа работал программистом, и его рабочий день начинался в одиннадцать. Иногда он вставал, чтобы поцеловать нас перед выходом.

На завтрак мама пожарила яичницу, налила кефир в прозрачный стакан. Сама она никогда не завтракала. Сделала себе кофе в гейзерной кофеварке и разбавила его сливками.

Когда мы одевались в прихожей, мама заглянула в спальню:

– Спит.

Ничего необычного, я точно это знаю, потому что миллион раз повторила это следователю, папе и бабушке. Мама привычно поправила мне шапку, чтобы та закрывала левое ухо, потому что мне так больше идет. Надела тонкий бежевый плащ, повязала на шею платок.

Позже, бесконечно вспоминая то утро, я начинала думать, что «спит» она произнесла с сожалением, что с особой заботой кормила меня завтраком, что помедлила, осматривая прихожую перед тем, как выключить свет. Или мне показалось и все это дорисовало мое воображение, когда я пыталась понять, что было не так?

Ее телефон был выключен весь день, но нас это не обеспокоило. Такое случалось и раньше, когда у нее одно за другим шли совещания или эксперименты. Мама работала в НИИ – научно-исследовательском институте легочных заболеваний. Но телефон не отвечал и вечером, и мы стали звонить ее коллегам. Выяснилось, что на работе мамы сегодня не было. Никто не видел ее с воскресенья, когда все

были в гостях у директора института.

Вечером мы пошли в полицию. Нас принял уставший участковый. Он молча выслушал папу и сказал:

– Пишите заявление. Но сразу предупреждаю, что раньше чем через двое суток искать ее никто не будет.

– Почему? Что нам делать двое суток? – дрожащим голосом спросил папа.

– Большинство пропавших людей находится в первые трое суток с момента пропажи, – заученно сказал участковый. – Но ваш случай не совсем… м-м-м… типичный, – продолжал он.

– Что в нем нетипичного, капитан? – спросил папа.

Из-за двери раздались шум падающей мебели и громкая хриплая брань, закончившаяся такими же хриплыми криками, – кого-то повалили и придавили. В кабинет заглянул молодой полицейский, вопросительно посмотрел на капитана.

– В обезьянник его, – пожал плечами капитан.

Его коллега кивнул и исчез за дверью.

Капитан вздохнул, вспоминая, о чем говорил.

– Обычно причина исчезновения очевидна – алкоголь, наркотики, долги, любое асоциальное поведение. Ваша жена не входит ни в одну из этих… так сказать, групп. Я попрошу, чтобы ее делом занялись раньше, чем обычно, но, понимаете, мы загружены. – Он кивнул на гору папок перед ним. Папками были завалены все свободные стулья и тумбочки в кабинете. Распухшие папки теснились и на стеллажах вдоль стен, выдавливая друг друга с полок. – Тем более, – продолжил он, глядя на папу, – правило трех дней действует даже для людей с благополучным прошлым.

Папа судорожно выдохнул, стиснув руки перед собой.

– Идите домой и ждите. Скорее всего, она появится. Мало ли, встретила подружку или… – Он сделал в воздухе непонятный жест, покосившись на меня.

– Что писать в заявлении? – раздраженно спросил папа.

– Дату и время исчезновения, обстоятельства, рост, особые приметы, одежду, – перечислил капитан.

Он дал нам несколько чистых листов и открыл выдвижной ящик стола. Я представила, как он достает ведерко с карандашами, на котором пляшут веселые пчелки, но он протянул папе обычную ручку.

– Напишите там, – он указал рукой в сторону двери. – Образец на стене. Закончите – отдайте дежурному.

Мы вышли в коридор, и в кабинет немедленно вошли поджидавшие на пороге парень с девушкой, оба в татуировках и с пирсингом в носу.

– По вызову, – раздалось из-за закрывающейся двери.

– Повестке, – поправил их голос капитана.

Мы сели за продавленный стол. Папа написал полстраницы.

– Во что она была одета?

– Плащ, платок, сапоги.

– Цвет помнишь?

– Плащ бежевый, платок с желтыми цветами, сапоги коричневые.

– Без каблуков? – уточнил папа.

– Без каблуков, – ответила я.

– Третье заявление за месяц! – гремел за закрытой дверью голос капитана.

Ему что-то тихо отвечали. Очередь в коридоре, сидевшая на стульях вдоль стены, притихла.

– Особые приметы, – прошептал папа сам себе.

– У нее нет особых примет.

Папа расписался, поставил дату. Мы отдали заявление в окошко толстому полицейскому, рядом с которым беспрерывно звенел дисковый телефон, и вышли на улицу.

Следующий день я знаю только со слов папы – меня забрала бабушка, чтобы «не трепать нервы ребенку». Папа и друзья родителей обзванивали больницы, отделения полиции и морги, расклеивали объявления о пропаже.

Два дня спустя мы с папой снова явились к усталому капитану, и он заверил нас, что начаты «оперативнорозыскные мероприятия» и он сразу же сообщит нам, как только «будет располагать какой-либо информацией».

Многие месяцы папа обзванивал знакомых и больницы и расклеивал повсюду объявления. Мы столько раз просмотрели видео со школьной камеры наблюдения: вот мы с мамой входим в школу, вот она выходит одна и идет в сторону НИИ. Как всегда, ничего необычного. Папа бесконечно пересматривал зернистый беззвучный ролик: вход и выход. Он словно пытался проникнуть в ее голову и понять, что произошло, когда она скрылась за школьной оградой.

С ее исчезновения я старалась делать все так, как если бы мама была дома, со мной. В том числе надевать шапку на правильное ухо: подворачивала ее на макушке и стягивала набок. Носила ее все время, хотя постепенно серо-голубая шерсть свалялась и выглядела совсем уж нелепо.

Только года через полтора папа стал реже ходить к следователю, перестал обновлять объявления на столбах и форумах о пропавших людях. А потом начал сомневаться, что вообще когда-нибудь ее найдет.

Я помню тот день. Я вернулась домой из художки, разделась в прихожей. Папа пришел незадолго до меня и разбирал на кухне сумки с продуктами. Привычно спросила:

– Есть новости?

После этого вопроса он обычно начинал подробный отчет, который сводился к тому, что никаких ее следов пока не найдено. Но сегодня, выставляя бутылки молока в холодильник, не поворачивая ко мне головы, ответил сухо:

– Никаких.

И тогда я пошла за новой шапкой.

В торговом центре мне захотелось сделать что-нибудь по-настоящему плохое. Выбрав самую уродливую шапку, я дождалась, когда охранник отойдет подальше, и побежала к выходу. Но не успела добежать до эскалатора, как меня перехватили.

На все вопросы я молчала, шапку из рук не выпускала, и меня отвели в подсобку, заваленную бракованной одеждой. Час я сидела не двигаясь и смотрела в разошедшийся шов кофточки, пока за мной не пришел папа. Когда мы выходили из магазина, громко зазвенела сигнализация – я все еще держала несчастную шапку в руках. Папа молча взял ее и пошел пробивать на кассу. Я ждала у выхода. Он вернулся и так же молча протянул ее мне. На эскалаторе я надела ее как попало, не посмотревшись в зеркало.

Так мы остались вдвоем.

Глава 2,

в которой друзья Нины отмечают день рождения

– Вы мне поможете или нет?

– В проникновении на охраняемую территорию? Нет.

– Ну короче! – Настя дрыгала ногами. Она повисла животом на высокой железной ограде и не могла ни перелезть через нее, ни спрыгнуть обратно.

Мы с Ваней уже задыхались от смеха.

– Я сейчас грохнусь и заработаю открытую травму черепа!

Ваня взял ее обеими руками за ноги. Опираясь на него, Настя перекинула ногу через ограду, потом вторую. Спрыгнула на другую сторону и неуклюже приземлилась в грязную лужу.

– Ну что за такое! – Она разглядывала испачканные джинсы.

Я пролезла в щель между двумя отогнутыми прутьями, Ваня – следом.

– И зачем ты через верх полезла?

– В этой жизни надо попробовать всё!

– И через двухметровый забор?

– И через забор. Любой опыт пригодится.

По лесенке мы забрались в крытый домик над горкой и канатной сеткой. Сели на скамеечки.

– Слушьте, я уже совсем не помещаюсь.

– И я.

– Мы тут лет с десяти не помещаемся.

– Ничего не знаю. Я помещалась еще в прошлом году.

– Слишком много печенья за прошлый год, да?

Настя попыталась двинуть брату коленкой, но не смогла, так было тесно. В самом деле, как же мы выросли за последний год.

– Может, домой? – Я оглянулась в надежде, что нас заметил охранник и уже идет прогонять. Но в окнах бывшего детского сада не горел свет. Скорее всего, там вообще никакого охранника не было.

– Какое еще домой? Начинай, – скомандовала Настя.

– Да, Нинок, ты никогда не говоришь. Давай, – поддержал ее Ваня.

– Я не умею.

– Начинай, мы поможем, – сказал он.

– Не буду я ничего говорить. – Я начинала злиться. Мало того что вытащили меня сюда, еще и требуют глупостей.

– Давай-давай.

– Блин, что за тупость, не буду.

Они улыбаясь смотрели на меня – было понятно, что не отстанут.

И я сдалась. Достала из рюкзака посуду из икеевского детского набора: три чайные чашечки с блюдцами. Очень красивые, фарфоровые, хоть и игрушечные. Толстые стенки, приятные на ощупь. Дала Насте и Ване, третью взяла себе. Попыталась пристроить ее на колено, но блюдце соскальзывало.

– Давай подержу, – сказал Ваня и забрал их.

Достала маленький термос. Кофе я сварила дома и налила в термос, когда близнецы уже топтались в прихожей. Папа говорит, что срок жизни кофе – всего несколько минут. Но, кажется, мы потратили драгоценные минуты, пока Настя

перелезала через забор.

Игровую площадку в детском саду, куда мы ходили в одну группу с двух лет, недавно перекрасили. Даже в темноте машинки, паровозики и песочница выступали из темноты яркими красками. Из-за холодной весны трава еще не начала расти, голые ветки барбариса неуютно выглядывали из цветника за низкой оградой.

– Кофе? Серьезно? На закрытой вечеринке? – возмутилась Настя.

– Что не так с кофе?

– Ну даешь. Хоть бы фруктового пива достала.

– Берите что дают. А то сейчас прошлогодний лимонад вспомню, – ответила я, разливая кофе в подставленные чашки.

Подняла свою чашечку.

– Поздравляю вас с еще одним годом. С че-тыр-над-ца-ти-летием, – произнесла по слогам, чтобы не сбиться на сложном слове. – Всё, пейте.

– Нет-нет-нет, – возмутилась Настя, отбирая у меня чашку. – Давай развернуто.

– Мы что, на литре?

– Ну в самом деле, – Ваня сморщился, сделал глоток и сморщился еще больше. – Ужас, как вы это пьете? – Он подозрительно понюхал кофе. – Там что, ацетон?

– А что не так? – я отхлебнула, с трудом проглотила. – Отличный вкус. Вчерашняя обжарка. – Отпила еще раз, стараясь не кривиться. – Легкая кислинка и шоколадное послевкусие. И еще немного коньяка.

Дома, перед тем как закрыть термос, я достала из посудного шкафа бутылку коньяка и плеснула совсем немного.

Настя попробовала свой кофе, и глаза у нее полезли на лоб.

– Ты бы это… водичкой разбавила, что ли, – хрипло прошептала она. – Есть чем запить?

– Нет. – Я уже жалела, что не заварила чаю. Зато Настя и Ваня забыли о том, что я не закончила поздравление. Они как дети малые – достаточно переключить внимание, и можно не отвечать на неудобный вопрос.

Они стали шарить в рюкзаках и карманах, искать для Насти жвачку или конфетку. А я пыталась вспомнить, что мы пили в самый первый раз. Тогда, в подготовительной группе, мы утащили из игровой пластиковые чашки и устроили «чаепитие» по случаю дня рождения близнецов. Кажется, кто-то из них приволок из дома бутылку с водой, и мы не вышли из домика над горкой, пока не выпили все полтора литра. Или воду мы пили в первом классе, а в шесть лет что-то другое?

С тех пор мы повторяли ритуал. Близнецы любили повторения и ритуалы. В прошлом году Настя месяц готовилась, обещала, что раздобудет шампанского. И в самом деле принесла – в длинношеей бутылке, разукрашенной танцующими принцессами в розовом, болталась газировка, такого же цвета, что и шампанское, и с такими же пузырьками.

– Поставщик подвел, – важно сказала она, разливая ее в чашечки.

Мы выпили лимонад до конца – тоже часть ритуала.

Сегодня была моя очередь приносить напитки. Когда я предложила добавки, близнецы вежливо промолчали. Я вытянула руку с термосом над землей и перевернула. Мы слушали, как кофе с коньяком льется на прошлогоднюю траву.

Через полчаса мы окончательно замерзли и спустились вниз. Пролезли в отогнутые прутья ограды.

– Что-то не очень весело в этом году. – Настя зевнула.

– Может, в следующем будет лучше, – предположила я.

– Не весело?! А как же твой принц? – усмехнулся Ваня и ловко увернулся от тычка в бок.

Он придержал калитку арки, чтобы мы прошли.

Так закончился четырнадцатый день рождения близнецов. Официальное празднование было в тот же день, но раньше, сразу после уроков. На роллердроме собралось человек пятьдесят: почти весь класс, ребята из секции по гандболу, приятели из студии актерского мастерства, даже пара девчонок из кружка по лепке, который Настя бросила в третьем классе. Иногда она казалась мне чересчур общительной. И, конечно, все эти веселые знакомые умели кататься на роликах. Все, кроме нас с Ваней. Мы сидели на низких скамейках, как в школьном спортзале, и смотрели, как Настя с приятелями – раскрасневшиеся, растрепанные – визжат и гоняются друг за другом, падают, поднимаются, подъезжают к столу за колой. На скатерти, расстеленной на двух сдвинутых партах, стояли открытые бутылки с газировкой, валялись пластиковые стаканчики, откуда пили, не разбирая, все подряд, лежали остатки торта. Чтобы чем-то себя занять, я стала собирать мусор и выбрасывать его в стоявшее рядом ведро.

– Помочь? – спросил Ваня.

Ответить я не успела – в зале вдруг приглушили свет, по нам и другим гостям поплыли разноцветные блики, и колонки запели голосом Элвиса Пресли:

– Wise men say, only fools rush in, but I can’t help falling in love with you[1 - «Мудрецы говорят, что спешат лишь глупцы, но я не могу в тебя не влюбиться» (англ.) – строки из песни Элвиса Пресли «Can't Help Falling In Love».].

Под мелодию, призванную, видимо, задать романтический настрой, из двери за занавесью выехал парень на роликах в атласном плаще и в короне. Освещаемый прожектором, он сделал два круга по залу, выписывая пируэты, потом подъехал к Насте, встал на колено и протянул руку. Улыбаясь до ушей, она взяла его за руку, и они закружились вместе. Их сразу скрыла толпа гостей.

– Ваня, что это такое? – громко зашептала я.

– Принц, не видишь, что ли?

– Откуда?!

– Входил в программу «День рождения на роллердроме». Сестрень только ради него нас сюда и потащила.

Так вот почему всем пришлось ехать на конечную станцию метро.

– Зачем ей, блин, принц? – недоумевала я.

– Чтоб мы троллили ее каждый день, – хмыкнул Ваня.

Я рассмеялась:

– Так себе принц, если честно.

– А что с ним не так?

– Он же в очках. И корона картонная.

Теперь рассмеялся Ваня.

– Какой он должен быть?

– Не знаю. И вообще принцев не бывает.

Как и чудовищ.

Мы снова сели на скамейку и смотрели, как все веселятся.

– Почему ты не пригласил никого из своих? Это же ваш общий день рождения.

Ваня пожал плечами.

– Ну, формально мой день рождения завтра.

– А все-таки?

– Не хотел. Да и некого, если подумать. Ты тоже никого не приглашала на свой.

– Я пригласила вас.

– А я пригласил тебя.

Когда все закончилось, Настя долго прощалась с гостями: полчаса поцелуев и обнимашек. Ваня зевал и закатывал глаза в углу гардероба.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Мудрецы говорят, что спешат лишь глупцы, но я не могу в тебя не влюбиться» (англ.) – строки из песни Элвиса Пресли «Can't Help Falling In Love».

Купить: https://tellnovel.com/ovchinnikova_evgeniya/idi-i-vozvraschaysya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити